

Осмысление жертвоприношения: дискурсивные векторы оценки

В. И. Карасик, М. С. Милованова

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматривается концептуализация жертвоприношения и жертвы в языковом сознании. Идея жертвоприношения отражает взаимодействие человека и высшей силы. Осмысление жертвы в понятийном плане акцентирует прежде всего цель и способы осуществления этого сакрального действия, общее направление развития этой идеи состоит в десакрализации жертвы. Выделяются четыре типа субъекта жертвоприношения: 1) высшая сила, 2) тот, кем жертвуют, 3) тот, кто осуществляет этот поступок, 4) те, кто при этом присутствует или кому об этом рассказывают. Дискурсивные векторы осмысления жертвоприношения акцентируют его сакральную, героическую либо обиходную сторону. В образном измерении раскрывается необходимость жертвы, при этом противопоставляется необходимость и одобрение жертвы в религиозном дискурсе и ее критическое осмысление в обиходном сознании. В нарративном плане сюжеты о жертвоприношении подчеркивают его неизбежность. Ценностное осмысление жертвы в афористике акцентирует моральную важность самопожертвования ради высокой цели и его сомнительность в иных обстоятельствах.

Ключевые слова

жертвоприношение, жертва, концепт, сакральный дискурс, обиходный дискурс

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»

Для цитирования

Карасик В. И., Милованова М. С. Осмысление жертвоприношения: дискурсивные векторы оценки // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 321–336. DOI 10.17223/18137083/74/24

Conceptualization of sacrifice: discursive vectors of evaluation

V. I. Karasik, M. S. Milovanova

*Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with understanding a sacrifice in linguistic consciousness. The idea of sacrifice reflects the interaction between man and a higher power. The essence of this notion is the

objective and ways of implementing sacrifice and the general direction of its understanding corresponds to its rationalization and, consequently, desacralization. The research material was taken from Russian and English dictionaries, National corpora of the Russian and the English languages, collections of aphorisms. The verbal explanation of the concept “sacrifice” includes five components: 1) the subject who performs a sacral act; 2) the object of sacrifice, usually a living being; 3) the objective of the action – propitiation of a supreme force or demonstration of veneration and awe; 4) the cause of action – understanding of one’s sins and the divine greatness; 5) the mode of action – giving a certain object or a living being by means of its mortification to a God. Four typical sacrifice subjects may be identified: the supreme force, which may coincide with people or ideas, the victim, the actor, and the audience. The idea of sacrifice is closely connected to the ideas of worship, trial, and heroism. Discursive vectors of conceptualization of sacrifice emphasize its sacral, or heroic, or habitual meaning. The imaginative (figurative) aspect of sacrifice shows its necessity and approval in religious discourse and its critical understanding in everyday communication. The evaluative dimension of sacrifice, as presented in aphorisms, stresses its moral importance (especially in the case of self-sacrifice) and its disputability in other circumstances.

Keywords

sacrifice, victim, concept, sacral discourse, everyday discourse

Acknowledgments

The research was funded by the Russian Foundation for Humanities, project No. 19-012-00609 A. (Modern Russian axiosphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code)

For citation

Karasik V. I., Milovanova M. S. Conceptualization of sacrifice: discursive vectors of evaluation. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 321–336. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/24

Введение

Концептуализация реальности в языковом сознании отражает познавательные, практические и коммуникативные потребности людей. В этом плане картина мира представляет собой инструмент адаптации индивида и общества к меняющейся действительности. Фрагменты этой действительности выделяются на основании их значимости для конкретного общества в конкретных природно-географических и социально-исторических условиях его проживания. Такие фрагменты осмысливаются как концепты – многомерные кванты переживаемого опыта, у которых можно выделить понятийную, образную и ценностную стороны [Воркачев, 2014; 2019; Гак, 1994; Карасик, 2004; Колесов, 2019; Кононова, 2010; Красавский, 2008; Пименова, 2007; Слышкин, 2004; Степанов, 1997; Стернин, 2008]. В ряду лингвокультурных концептов выделяются ментальные образования, содержанием которых является символическое действие. К числу таких единиц относится жертвоприношение – изначально сакральное действие, состоящее в ритуальной передаче божеству чего-либо ценного, а затем совершение поступка, состоящего в отказе от чего-либо ради высшей цели.

Цель работы состоит в выявлении понимания жертвоприношения в религиозном и обиходном сознании. Предполагается, что осмысление жертвоприношения специфично для соответствующих типов дискурса, при этом обиходное сознание рассматривается как совокупность различных ситуативно обусловленных представлений и установок поведения, противоположных религиозному мировосприятию. Дополнительной задачей исследования является проверка предположения об универсальности понимания жертвоприношения в русской и англоязычной лингвокультурах.

В качестве материала исследования были взяты данные толковых словарей и справочников, материалы Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и электронной базы «Библиотека лексикографа» (сост. А. А. Бурькин), Британского национального корпуса (English-Corpora.org), сборники пословиц и афоризмов. Для обеспечения многомерного понимания жертвоприношения проанализированы данные словарей, текстовые фрагменты, в которых содержатся описания этого действия и его участников, сюжеты мифологии и художественной литературы, а также афоризмы, выражающие оценку этого действия.

Понятийные характеристики жертвоприношения

Понятийное измерение концепта состоит в определении признаков его содержания, зафиксированных в словарных дефинициях, в построении его структурной модели в виде фрейма, в установлении его исходного смысла, зафиксированного во внутренней форме слова, обозначающего этот концепт, в анализе логики его развития и определении его парадигматического контекста – близких и оппозитивных концептов, уточняющих его семантику.

Обратившись к толковым словарям русского и английского языков, получаем следующую информацию.

Жертвоприношение – ‘обряд принесения жертвы’ [БАС, 1950–1965]; жертва – ‘1) предмет или живое существо (обычно убиваемое), приносимые в дар божеству по обрядам некоторых религий; 2) действие по первому значению глагола «жертвовать» (совершать жертвоприношение божеству); 3) (устар.) добровольное приношение; дар, 4) отказ от личных целей, прав, выгод и т. п. в пользу кого-, чего-либо; самопожертвование; 5) кто-либо пострадавший, потерпевший, погибший от несчастного случая, злого умысла и т. п.’ [Там же].

Sacrifice – ‘1. Primarily, the slaughter of an animal (often including the subsequent consumption of it by fire) as an offering to God or a deity. Hence, in wider sense, the surrender to God or a deity, for the purpose of propitiation or homage, of some object of possession. Also applied fig. to the offering of prayer, thanksgiving, penitence, submission, or the like. In the primary use, a ‘sacrifice’ implies an ‘altar’ on which the victim is placed. Hence the figurative uses are often associated with references to a metaphorical altar. 2. That which is offered in sacrifice; a victim immolated on the altar; anything (material or immaterial) offered to God or a deity as an act of propitiation or homage. 3. Theol. The offering by Christ of Himself to the Father as a propitiatory victim in his voluntary immolation upon the cross; the Crucifixion in its sacrificial character. 4. The destruction or surrender of something valued or desired for the sake of something having, or regarded as having, a higher or a more pressing claim; the loss entailed by devotion to some other interest; also, the thing so devoted or surrendered. Cf. self-sacrifice. A victim; one sacrificed to the will of another; also, a person or thing that falls into the power of an enemy or a destructive agency. Now rare. 5. A loss incurred in selling something below its value for the sake of getting rid of it’ [COD, 1995].

Анализ приведенных дефиниций из авторитетных словарей русского и английского языков показывает, что признаковый состав рассматриваемого концепта включает 1) субъекта, совершающего символическое действие; 2) объект, приносимый в дар божеству (обычно живое существо, в Оксфордском словаре отдельно выделено самопожертвование Христа); 3) цель действия – умилоствление божества либо демонстрация благоговения; 4) причина действия – осознание своих грехов и величия божества; 5) способ действия – передача в дар божеству предмета либо живого существа путем его умерщвления. Это действие, как показано

в словарных определениях, расширительно осмысливается в виде добровольной потери чего-либо (включая свою жизнь) ради более высоких или иных целей и в виде уточнения объекта как лица, которому выпали страдания.

В этимологических словарях показаны исходные идеи в осмыслении жертвоприношения. В индоевропейских языках, по наблюдениям К. Д. Бака, внутренней формой исходного представления, лежащего в основе данного концепта, являются действия «приносить», «предлагать», «поклоняться», «восхвалять», «сжигать» [Buck, 1988, p. 1467–1469]. Слово «жертва» в русском языке этимологически толкуется как производное от идеи восхваления [Черных, 1999, с. 300] либо сожжения [Цыганенко, 1989, с. 129]. Английское «sacrifice» восходит к латинскому словосочетанию «sacrum facere» – «делать что-либо святым». Sacrum – “dedicated to a divinity, holy, sacred” [Klein, 1966, p. 1371]. В семитских языках консонантный корень слов, называющих жертвоприношение [krbn], означает «приближение (к божеству)». В китайской иероглифике идея жертвоприношения уточняется следующим образом: 牺牲 xī shēng – жертвенные животные для жертвоприношения и ритуала (牺 – животное без пятен, 牲 – животное без изъянов). Как можно видеть, номинируются цель, способ и объект жертвоприношения.

Осмысление жертвоприношения как сакрального действия

В религиозном дискурсе идея жертвоприношения неразрывно связана с идеей служения Богу. Впервые в Библии о жертвоприношении говорится в сказании о Каине и Авеле. Сказано, что братья совершили символическое жертвоприношение как дар Господу (сожжение плодов урожая и агнца). Это было естественным жестом выражения благодарности Создателю. Следующее жертвенное всесожжение животных и птиц (подчеркнуто – чистых существ, без изъянов) совершил Ной после того, как схлынули воды потопа. И в этом случае целью жертвоприношения является выражение благодарности Всевышнему за чудесное спасение. Подобные ритуальные жертвоприношения часто упоминаются в Библии. Третье значимое жертвоприношение было проверкой – испытанием на верность Богу (жертвоприношение Авраама, которому велено было заколоть своего сына). В последний момент объект жертвоприношения подвергся замене – вместо юноши был взят овец, запутавшийся в чаще рогами. В Священном писании не говорится о том, что чувствовали главные персонажи этого события, но очевидно, что его существенным компонентом становится страдание. Отметим, что в данном случае речь не идет об искуплении грехов. Тема такого искупления становится ведущей в Новом Завете. Таким образом, в религиозном дискурсе выделяются три типа жертвоприношения – ритуальное, проверочное и искупительное, и соответственно три типа жертвы – нечто, 1) приносимое в дар, 2) демонстрируемое как отказ от самого ценного и 3) совершаемое как плата за прегрешения (в том числе и чужие).

Отметим особый тип жертвы – самопожертвование. Этот поступок детально представлен в мифологии и религиозном дискурсе. Прометей жертвует собой, похищая огонь у богов и обрекая себя за это на вечные муки. Мученическая смерть Христа – самопожертвование ради очищения человечества. В самопожертвовании акцентируются три момента: его цель, героический пафос и катарсис, возникающий у слушателей, зрителей или читателей в результате сопереживания.

Мифологические сюжеты жертвоприношения показаны в библейском сказании о военачальнике Иеффае, который дал клятву принести в жертву Богу в случае успешного завершения войны первого, кто выбежит ему навстречу из дворца,

и первой выбежала к нему его любимая дочь. Аналогичный сюжет разворачивается в «Илиаде»: царь Агамемнон дал клятву принести в жертву богине Артемиде свою дочь Ифигению ради успешного завершения войны. В этих сюжетах раскрывается смысл жертвы как сакрального действия, суть которого состоит в отказе от самого ценного и любимого. Мифологическое сознание постулирует необходимость жертвы. При этом показано, что попытки как-то обхитрить судьбу заканчиваются плачевно.

Жертвоприношение и жертвенность неоднократно были предметом осмысления в художественной литературе. Символом самопожертвования стал Данко, персонаж известного сюжета из рассказа М. Горького, вырвавший сердце из груди, чтобы его пламенем осветить путь людям. Развернутый пример размышления и переживания о жертве и жертвоприношении дан в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». Его главная героиня Катюша Маслова оказывается жертвой судьбы, а Нехлюдов, ставший причиной ее последующего падения, проявляет намерение совершить искупительную жертву, женившись на падшей женщине, которую приговорили к каторге. Н. А. Ашихманова [2015], рассматривая жертвоприношение как сюжетный мотив в произведениях художественной литературы и кинематографии, отмечает, что в его основе лежит идея о приобретении чего-либо через потерю чего-либо.

Таким образом, идея сакральной жертвенности осмысливается в связи с идеей поклонения, испытания и героизма. Жертвоприношение предполагает выделение четырех субъектов этого поступка: 1) высшая сила, которой приносится жертва, в качестве этой силы обычно фигурирует божество, но это могут быть и люди, ради которых совершается жертвоприношение; 2) собственно жертва, то, что приносится в жертву, строго говоря, это объект жертвоприношения, о его субъектности можно говорить в случаях самопожертвования или его одушевленности; 3) тот, кто осуществляет жертвоприношение, жрец, совершающий это сакральное действие; 4) адресаты, присутствующие при жертвоприношении либо узнающие о нем.

Осмысление жертвы в обиходном сознании

Для выявления осмысления жертвы в светском дискурсе были проанализированы примеры из Национального корпуса русского языка.

В публицистических текстах уточняются обстоятельства, приводящие к жертвам.

Ещё одна новинка теоретиков «новой волны» состоит в пересмотре понятия победы: оказывается, теперь главная стратегическая цель – уничтожение экономики, энергетики, мирного населения, после чего жертва агрессии должна капитулировать (М. Гареев);

Каждый день войны – это новая жертва (Анон.);

Жертва ограбления не растерялась и устремилась в погоню (Ю. Викторов).

Речь идет о жертвах войны и разбойного нападения.

В расширительном плане такие обстоятельства включают типичные пороки и недостатки людей:

Есть и другой скоропалительный ответ: клоун Мусин – жертва пьянства (И. Кио);

Та прыгнула с мостовой на тротуар, стремясь скрыться в подъезде, но вытекавшая публика преградила ей путь, и бедная жертва своего легкомыслия и страсти к нарядам, обманутая фирмой проклятого Фагота, мечтала только об одном – провалиться сквозь землю (М. Булгаков);

Вампир – заложник обстоятельств и жертва собственной страсти (Ф. Марченко).

В таком понимании жертва – это виновник неблагоприятного развития событий. Выделяется ученическое понимание жертвы как человека, которому не повезло:

Выбранная жертва подходит к доске, и Стрепетов вручает ей мел (В. Маканин);

Сразу после последнего урока намеченная жертва мчится стремглав домой – насилие прекрасно ритуализировано (С. Тарасова);

В голове возникла гнетущая мысль, что все ученики этой проклятой школы знали, что она всего лишь жертва, которую обманом затащили сюда, чтобы продать (П. Волошина).

Виновниками ситуации оказываются те, кто обижает беззащитных.

В художественном тексте встречаются религиозные типы осмысления жертвы:

– Это правда, – прошептал Грым. – Вы жертва, принесенная для сохранения цивилизации. Клапан, через который выходят дурные чувства человечества... (В. Пелевин).

Цель жертвоприношения – благо для сообщества.

Противопоставляются основные актанты таких ситуаций:

Он не палач, – утверждает автор, – скорее уж жертва (Ю. Рахаева);

Самая модная программка, ток-шоу, игра, или что там еще, все равно должны фиксировать архетип, мужик – баба, убийца – жертва, предатель – герой – вот они, омытые дождями и ветрами веков, просоленные крестовинки (М. Кучерская);

Убийцы, говорят, первым делом сообщают, что жертва вела себя нагло и вызывающе (Н. Щербак).

Жертве противопоставляются убийцы и палачи.

Вместе с тем участниками таких ситуаций могут быть и те, кто приходит жертве на помощь:

Став взрослой, Ольга продолжает разыгрывать сценарий «преследователь – жертва – спасатель» (М. Рогачев);

Следовательно, обязательно нужен убийца, потом тот, кого он убивает – жертва, и фигура, условно называемая мстителем и правдолюбом (С. Есин).

Функции таких помощников выполняют спасатели и мстители.

В текстовых примерах видны типичные характеристики поведения жертвы – покорность, беззащитность и обречённость:

Красотой для Гоголя была его Катерина, бледная и обречённая жертва колдуна, это была его избитая панночка, его измученная голодом полячка (И. Анненский);

Он не баран, не тупая покорная жертва (А. Иванов).

Обратим внимание на то, что в отличие от религиозного дискурса в обиходном общении смирение не приветствуется.

Жертвенность в ряде случаев однозначно осуждается:

Страшным оскорблением у школьников (и у предпринимателей) является лексема *лох* – «дурак; неполноценная личность» (в арго – «жертва преступления; дурак») (М. Грачев).

Иначе говоря, человек не имеет права становиться жертвой. Именно такое осмысление жертвенности отражено в названии известного романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Классик приводит читателя к переосмыслению такой оценки.

Важным моментом в описании жертвы является ее неведение, неподготовленность к неблагоприятному развитию событий:

...страшнее лагеря дорога, эшелон, там всеисильны уголовники, они раздевают, отбирают продукты, проигрывают жизнь политических в карты, проигравший убивает человека ножом, а жертва даже не знает до последней минуты, что её жизнь разыграли в карты... (В. Гроссман);

Попробуй поймай их за руку, когда ничто ещё не предвещает беды и намеченная жертва безмятежно ходит по земле, строя планы, которым не дано осуществиться (А. Валентинов).

Главное эмоциональное состояние жертвы – парализующий страх:

Виновник возможной аварии и ее потенциальная жертва глядят друг на друга через лобовые стекла – ни мыслей, ни чувств, только холодная испарина страха (А. Архангельский).

Наряду со страхом жертва ассоциируется с болью или утратой самого ценного:

Жертва – это как отрезать у себя кусок сердца, – сказал человек (А. Григоренко).

Соответственно, названы способы преодоления такого состояния:

Русский крестьянин, хорошо понимающий, что он – жертва социальной неправды («хлеб сеем да робим, а сами голодом сидим»), не только не проклинает обидчиков, но говорит о своей вековечной обиде, как о чём-то забавном, с добродушной улыбкой, со смехом! (К. Чуковский);

После того как жертва введена в состояние сильного смятения, используются всего два приема: во-первых, решение требуется принять немедленно; во-вторых, путь к спасению чрезвычайно прост (А. Тхостов).

Юмор и рационализация ситуации выступают надежными средствами выхода из обреченной жертвенности.

Отношение к жертве может раскрывать не лучшие качества людей:

Мы отвечаем: «пиллор» – это позорный столб, он стоит на людном перекрестке, к нему сыромятными ремнями привязывается трепещущая жертва, каковая осыпается плевками со стороны пересекающихся и завихряющихся толп честного народа (В. Аксёнов).

Некоторые испытывают злорадство, имея возможность безнаказанно унижить беззащитных.

Жертва и хищник могут меняться ролями:

Одним словом, что должна делать юстиция, если жертва казнит своего палача? (Ю. Домбровский);

Больше всего его забавляло то, что стоявший перед ним бритоголовый, наверняка считавший себя сильным и страшным, понятия не имел о том, что он уже не охотник, а жертва (А. Геласимов);

И жертва в гневе превращается в диктатора (С. Денисова).

Образы жертвы типичны в описании природных инстинктов:

Даже будучи сытой, кошка бросается на птицу с перебитым крылом, потому что так устроена кошка и все предыдущие ее поколения, потому что птица ведет себя как жертва, а сладость расправы над жертвой у охотника сильнее голода и требовательнее похоти (Е. Водолазкин);

Такая модель игрового поведения называется «хищник – жертва», она характерна и для взрослых диких кошек – львов, тигров, леопардов (И. Шейман);

Яд у кобры один из самых сильных: по действию – нервно-паралитический, то есть жертва погибает от паралича центра дыхания (С. Бакатов);

Когда неосторожная жертва приближалась к замершему в засаде хищнику, он несколько раз слегка покачивал головой, чтобы точнее определить расстояние до нее, затем следовал молниеносный снайперский бросок – и добыча оказывалась намертво схваченной (С. Мойнов).

В приведенных примерах показаны способы охоты в дикой природе.

Метафорически жертвы противопоставляются хищникам:

Конечно, самая лакомая и самая беззащитная жертва этих редакционно-издательских пауков – автор молодой и начинающий (А. Мильчин);

Обезумевшая жертва вырывалась, царапалась, но из Филиных тисков просто так не выпрыгнешь (Г. Дединский);

Здесь же тактика охоты иная: паутины нет, есть засада, рассчитанная на то, что жертва попадет не в сеть, не на крючок, а прямо в руки, то есть в лапки (Л. Прокопович).

Интересны примеры жертвы как компонента некоторой игры:

При слоне на д6 эта жертва некорректна: у белых нет подходящего поля для слона (Е. Гик);

Жертва была принята, Таня прошла испытание и была посвящена в младшие жрицы (Л. Улицкая).

В шахматной игре жертва – один из способов осуществления стратегии, направленной на достижение победы над противником. Аналогичным образом можно трактовать и сознательные ходы, направленные на выполнение различных неприятных ритуалов, требуемых для социального продвижения.

Для проверки специфики этнокультурного осмысления жертвоприношения были проанализированы его описания в англоязычной лингвокультуре.

Жертвоприношение является актом религиозного ритуала:

This was one of the great festivals and involved a sacrifice of two heifers, one ram and seven one-year-old lambs. ‘Это был один из великих праздников, включавших жертвоприношение двух телиц, барана и семи годовалых ягнят’ (здесь и далее перевод мой. – В. К.).

Цель жертвоприношения – умиловать богов:

In accordance with ancient Hawaiian tradition, you have to make some sacrifice to placate the bloodthirsty gods of the ocean. 'В соответствии с древней гавайской традицией следует принести определенное жертвоприношение, чтобы умиротворить кровожадных богов океана.'

Жертвоприношение сопряжено с обреченностью:

As the armies clash the Flagellants throw themselves into the fray in a gesture of sacrifice and doom. 'Когда армии столкнулись, флагелланты (религиозная секта самоубивающихся в Средние века. – В. К.) бросились в схватку жертвенно и обреченно.'

Уточняются характеристики жертвоприношения:

An unbloody sacrifice cannot take away sins. 'Бескровная жертва не может снять грехи.'

Жертвоприношение сопряжено с жестокостью:

I was sacrificed by ruthless hands, which took from me all that I held dear. 'Мной безжалостно пожертвовали, отняв у меня всё, что было для меня дорого.'

Жертвоприношение предполагает отказ от того, к чему привык человек:

They realise that to become a Catholic means making a tremendous sacrifice in their present lives. 'Они понимают, что стать католиком – значит пожертвовать многим в их сегодняшней жизни';

She knew there was no way out because she wasn't strong enough to sacrifice her position in society. 'Она знала, что выхода нет, поскольку ей не хватало сил пожертвовать своим положением в обществе.'

Жертвоприношение осмысливается как рациональный ход в ситуации, направленный на отказ от чего-то ради получения выгоды в дальнейшем:

...it is better to sacrifice the bonus in favour of avoiding being dragged into a broader combat. 'Лучше пожертвовать преимуществом, чтобы избежать вовлеченности в большую схватку';

...however, we tend to sacrifice long-term benefits for short-term success. 'Тем не менее, мы часто жертвуем долгосрочными плюсами ради кратковременного успеха';

I suppose if I had to make the choice, I would sacrifice skiing for the sake of the hills. 'Думаю, если бы у меня был выбор, я бы пожертвовал катанием на лыжах ради похода в горы.'

О жертве говорится в политическом контексте:

When things go badly wrong, Tory MPs and party activists call for a ritual human sacrifice. 'Когда дела идут плохо, консерваторы-парламентарии и партийные активисты требуют ритуального человеческого жертвоприношения.'

And suspicions are growing that he could be the victim of a dirty-tricks campaign. 'Растут подозрения, что он может стать жертвой грязной кампании.'

Жертвоприношение ассоциируется с решимостью и энтузиазмом:

These three young men have demonstrated a personal commitment and sacrifice which inspired them to attempt this daunting journey with enthusiasm. 'Эти трое молодых людей продемонстрировали личную решимость и жертвенность, которые вдохновили их предпринять это дерзкое путешествие с энтузиазмом.'

В расширительном смысле жертва понимается как пострадавший, при этом уточняются обстоятельства происшествия либо болезни:

A badly-injured victim of the crash is tended by rescue workers in the Amsterdam suburb. 'Жертве аварии, получившей серьезные телесные повреждения, оказали помощь спасатели из пригорода Амстердама';

Heart attack victim Jeff, 72, planned his send off down to the last detail. 'Джефф, 72-летняя жертва сердечного приступа, детально спланировал свой уход';

Doctors treated road victim Bill Healey for a broken nose and then sent him home. 'Врачи оказали помощь сломавшему нос Биллу Хили, жертве дорожного происшествия, и отпустили его домой.'

К числу таких обстоятельств относятся страх и распространенные пороки:

He had convinced himself that he had been the victim of a terror-stricken imagination. 'Он убедил себя, что стал жертвой охваченного страхом воображения';

Of all the vices which have enslaved mankind, none can reckon among its victims so many as gambling. 'Из всех пороков, поработивших человечество, ни один не охватил столько жертв, как азартные игры.'

О жертвах говорят применительно к преступлениям:

A robber got a guilty conscience when his victim Derek Ost collapsed in pain – he waited with him until the law arrived. 'У грабителя проснулась совесть, когда Дерек Ост, его жертва, упал в мучениях, и он остался с ним, пока не приехала полиция';

Mr. Langdon, can you at least guess what our murder victim might have wanted to discuss with you on the night he was killed? 'Мистер Лэнгдон, могли бы вы по крайней мере предположить, о чем убитый хотел с вами поговорить в ту ночь, когда произошло преступление?'

Таким образом, жертва осмысливается в обиходном сознании как следствие природных или социальных процессов, один из участников которых уничтожает другого; как некоторое необходимое действие, выполняемое для дальнейшего продвижения; как определенный тип пассивного поведения, часто осуждаемого, при этом отмечается, что вина за неблагоприятное развитие событий часто лежит на жертве, но вместе с тем приводятся и способы противостояния таким обстоятельствам. В повседневном поведении жертва осмысливается как необходимый выбор из нескольких вариантов, в качестве объекта в наши дни под жертвами понимаются пострадавшие от преступников, болезней, различных неблагоприятных обстоятельств. Текстовые примеры на английском языке в значительной мере совпадают по содержанию с осмыслением жертвоприношения и жертвы в русском языковом сознании.

Оценка жертвоприношения в афористике

Ценностное осмысление жертвы и жертвоприношения представляет собой определение целей, ради которых приносится жертва, а также возможных последствий жертвоприношения. Такое осмысление выражается в аксиологически эксплицитных высказываниях, т. е. в таких текстовых фрагментах, которые прямо называют те или иные нормы поведения. Такие тексты могут быть развернутыми и сжатыми, обычно в качестве материала для определения ценностного содержания того или иного концепта рассматриваются пословицы и афоризмы, содержащие наименование соответствующего концепта. Жертва и жертвоприношение не фигурируют в пословичном фонде, поскольку такое действие не относится к обиходной жизни, фиксируемой в качестве образных наставлений в пословицах. В афоризмах эта тема представлена детально и вариативно, ее осмысление относится к важным и сложным вопросам этики и религиозного миропонимания. Материал для анализа взят из сборников афоризмов на русском и английском языках и размещенных в Интернете афоризмов и сентенций (перевод с английского мой. – В. К.).

Выделяются следующие причины жертвоприношения: выполнение долга, благо родных и близких и своей Родины:

Готовность пожертвовать собой ради выполнения долга есть основа поддержания жизни (Сюнь-Цзы);

Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество... (Ф. М. Достоевский).

Такой вид жертвы реализуется как самопожертвование и составляет стержневое содержание морального императива ставить благо других выше собственного блага.

Вместе с тем идея жертвенности уточняется в афористике в нескольких направлениях.

Следует жертвовать настоящим во имя будущего:

Высшим испытанием человеческой совести может быть готовность пожертвовать чем-то сегодня для будущих поколений, чьи слова благодарности услышать невозможно (Г. Нельсон).

Следует идти на жертвы ради движения вперед:

Человеческий прогресс не происходит автоматически и не является неизбежным... Каждый шаг к осуществлению справедливости требует жертв, страданий и борьбы, неустанного напряжения и горения души самоотверженных людей (М. Л. Кинг).

Следует идти на жертвы ради освобождения от несущественных привязанностей:

Всё, чем вы не можете пожертвовать, связывает вас, делает вас предсказуемым и слабым (М. Лоренс).

Заслуживают внимания речения, в которых осуждается формальное жертвоприношение:

Бог желает не жертв, а надежды (Теплим);

Есть семь социальных грехов: богатство, полученное без труда, удовольствия, не контролируемые совестью, знания, не служащие становлению характера, коммерция без моральной основы, наука, не ориентированная на человека, поклонение, в котором нет жертвенности, политика без принципов (Ф. Л. Дональдсон).

Целью жертвоприношения не может быть просто выполнение обряда.

Резко осуждается жертва как способ получения тех или иных житейских благ:

Богатству иных людей не стоит завидовать: они приобрели его такой ценой, которая нам не по карману, – они пожертвовали ради него покоем, здоровьем, честью, совестью. Это слишком дорого – сделка принесла бы нам лишь убытки (Ж. де Лабрюйер);

Пожертвовавший свободой ради безопасности не заслуживает ни свободы, ни безопасности (Б. Франклин);

За 750 лет до Христа Исайя имел смелость сказать, что жертвоприношения не имеют смысла, и единственное, что приносит пользу, – это чистые руки и святое сердце (Э. Ренан).

В моральном и духовном отношении жертвоприношение должно быть сорентировано только на высокие цели.

Жертвоприношение на самом деле делает человека богаче:

Иногда, жертвуя чем-то, вы не теряете это, а просто передаёте это другому (М. Элбом).

Эта идея блестяще выражена в поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре»:

Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал – то твоё.

Отмечено, что есть то, чем никогда нельзя жертвовать:

Всё меняется, но ты должен быть самим собой, поэтому будь верен себе и никогда не жертвуй тем, кто ты есть, ради кого-либо (З. Малик);

Самопожертвование? Но ведь именно себя никогда нельзя приносить в жертву (Э. Рэнд).

Эти суждения относятся к тем ситуациям, когда кто-либо отказывается от самореализации ради кого-то. Данная идея чётко выражена в Библии:

Доколе ты жив и дыхание в тебе, не заменяй себя никем (Книга премоудрости Иисуса, сына Сирахова, 33: 21).

Перед нами религиозное и психологическое обоснование права человека быть самим собой, поскольку подразумевается, что у каждого есть своя миссия в жизни, и попытка уйти от выполнения этой миссии нарушает божественное предопределение. Кроме того подобное поведение не дает возможности другому человеку быть тем, кем он хочет. По-видимому, подобные речения относятся преимущественно к родителям, которые ради своих детей сознательно перечеркивают свои стремления и возможности.

Отмечены также некоторые моменты критического осмысления жертвенного поведения:

Самопожертвование следовало бы запретить законом. Оно развращает тех, кому приносят жертву. Они всегда сбиваются с пути (О. Уайльд);

Сначала вы жертвуете собой ради тех, кого любите, а потом их же за эту жертву ненавидите. Самопожертвование – это самоубийство (Дж. Б. Шоу);

Самопожертвование дает нам возможность жертвовать другими без угрызений совести (Дж. Б. Шоу).

В этих парадоксальных высказываниях иронически оцениваются ненужные жертвы.

Заслуживает внимания грустная констатация распространенного развития событий:

Именно грешник накликает на землю бедствия, но первую жертвой бедствий оказывается всегда праведник (И. Напах);

Жертвенный ягненок знает цену овечьей солидарности (Квиллар).

Жертвами часто становятся лучшие и незащищенные.

Любимому свойственно идеализировать прошлое и положительно оценивать даже то, что привело к страданиям:

Жертва часто возвращается на место преступления, чтобы повздыхать о старом добром времени (В. Брудзинский).

В этом ироническом суждении содержится критика такого мироощущения.

Тем не менее, показано, что в обиходе некоторое самоограничение необходимо:

Хорошие манеры состоят из мелких самопожертвований (Р. У. Эмерсон).

Таким образом, ценностные характеристики в осмыслении жертвоприношения и жертвы состоят в безусловном одобрении жертвы ради высокой цели, при этом критически оцениваются формальная жертвенность, бездумное самопожертвование и жертвы как способы получения житейских благ.

Заключение

Идея жертвоприношения и жертвы в концентрированном виде отражает взаимодействие человека и высшей силы. Концептуализация жертвы в понятийном плане акцентирует прежде всего цель и способы осуществления этого сакрального действия, общее направление развития этой идеи состоит в десакрализации жертвы. В образном измерении раскрывается необходимость жертвы, при этом противопоставляется одобрение жертвы в религиозном дискурсе и ее критическое осмысление в обиходном сознании. Подтверждено предположение о том, что сакральное и обиходное понимание жертвоприношения не содержат этнокультурной специфики в русском и англоязычном сознании. В нарративном плане сюжеты о жертвоприношении подчеркивают его неизбежность. Ценностное осмысление жертвы в афористике акцентирует моральную важность самопожертвования ради высокой цели и его сомнительность в иных обстоятельствах.

Список литературы

Ашихманова Н. А. Жертвоприношение как сюжетный прием // Изв. Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 4. С. 58–64.

Воркачев С. Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: Монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.

- Воркачев С. Г.* Какою мерою мерите: идея воздаяния в лингвокультуре: Монография. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2019. 372 с.
- Гак В. Г.* Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 198–206.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Колесов В. В.* Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
- Кононова И. В.* Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 38 с.
- Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
- Пименова М. В.* Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ: Монография. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Стернин И. А.* Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2008. Вып. 1. С. 8–20.
- Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка. Более 5000 слов. 2-е изд. Киев: Рад. шк., 1989. 511 с.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. 624 с.
- Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1988. 1515 p.
- COD – The Concise Oxford Dictionary of Current English. 9th ed. 1995. On CD-ROM.
- Klein E. A.* Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier, 1966. 1776 p.

References

- Ashikhmanova N. A. Zhertvoprinoshenie kak syuzhetnyy priem [Sacrifice as a subject plot motif]. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2015, no. 4, pp. 58–64.
- Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago and London, The University of Chicago Press, 1988, 1515 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 2 t. 3-e izd.* [Historical and etymological dictionary of the Russian language. In 2 vols. 3rd ed.]. Moscow, Rus. yaz. 1999, vol. 1, 624 p.
- Gak V. G. Sud'ba i mudrost' [Fate and wisdom]. In: *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [Concept of fate in the context of different cultures]. Moscow, Nauka, 1994, pp. 198–206.
- Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004, 390 p.

Klein E. A. *Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Amsterdam, Elsevier, 1966, 1776 p.

Kolesov V. V. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of conceptology]. St. Petersburg, Zlatoust, 2019, 776 p.

Kononova I. V. *Struktura i yazykovaya reprezentatsiya britanskoy natsional'noy moral'no-eticheskoy kontseptosfery (v sinkhronii i diakhronii) (v sinhronii i diahronii)* [Structure and linguistic representation of the British national moral and ethical conceptual sphere (in synchrony and diachrony)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2010, 38 p.

Krasavskiy N. A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh: Monografiya* [Emotional concepts in German and Russian languages and cultures: Monograph]. Moscow, Gnozis, 2008, 374 p.

Pimenova M. V. *Kontsept serdtse: Obraz. Ponyatie. Simvol: Monografiya* [The concept "heart": Image. Symbol: Monograph]. Kemerovo, KemSU, 2007, 500 p.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950–1965.

Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: Monografiya* [Linguistic and cultural concepts and meta-concepts: Monograph]. Volgograd, Peremena, 2004, 340 p.

Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. An attempt of investigation]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, 824 p.

Sternin I. A. *Opisanie kontsepta v lingvokontseptologii* [Description of a concept in conceptology]. In: *Lingvokonceptologiya* [Linguistic conceptology]. I. A. Sternin (Ed.). Voronezh, Istoki, 2008, iss. 1, pp. 8–20.

The Concise Oxford Dictionary of Current English. 9th ed. 1995. On CD-ROM.

Tsyganenko G. P. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Bolee 5000 slov. 2-e izd.* [Etymological dictionary of the Russian language. More than 5000 words. 2nd ed.]. Kiev, Rad. shk., 1989, 511 p.

Vorkachev S. G. *Kakoyu meroyu merite: ideya vozdayaniya v lingvokul'ture: Monografiya* [What is the measure: the idea of revenge in linguoculture: Monograph]. Krasnodar, KubSTU Publ., 2019, 372 p.

Vorkachev S. G. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: Monografiya* [Implementation of meaning: Conceptualia selecta: Monograph]. Volgograd, Paradigma, 2014, 331 p.

Сведения об авторах

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

vikarasik@pushkin.institute
ORCID 0000-0001-8306-5317

Милованова Мария Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

msmilovanova@pushkin.institute
ORCID 0000-0002-0204-028X

Information about the authors

Vladimir I. Karasik – Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

vikarasik@pushkin.institute
ORCID 0000-0001-8306-5317

Maria S. Milovanova – Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

msmilovanova@pushkin.institute
ORCID 0000-0002-0204-028X